

Постфольклор в сетевом пространстве

УДК 392:004

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-4-71-82

Тело и город: представление о городском пространстве в бодипозитивных блогах в «Инстаграме»

Дарья А. Горбунова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия, darya.a.gorbunova@gmail.com*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено дискурсу телесности в бодипозитивных блогах на русском языке в социальной сети «Инстаграм». Бодипозитивность – это набирающее популярность социальное течение и медийный тренд, распространяющий идею толерантного отношения к своей и чужой внешности и телу. В данной статье рассматривается то, как в публикациях блогеров, последователей общественного феминистского движения бодипозитив, и комментариях к ним читателей осмысливается тема взаимодействия тела и пространства, в частности пространства города, в контексте теоретических представлений о социализации тела, разработанных в трудах Р. Барта, Ж. Бодрийяра, понятий политика тела М. Фуко и пассивное тело Р. Сеннета. Анализируя публикации в «Инстаграм» методами дискурс- и контент-анализа, мы выделяем несколько наиболее часто упоминаемых мест или пространств, в которых тело в дискурсе бодипозитивизма становится актуальным/актуализованным, а значит, вызывает ощущение психологического дискомфорта и депривации и, как следствие, требует каких-либо манипуляций с собой или заставляет человека действовать по-другому, как правило, вразрез с его волей: это происходит в местах общественного питания и отдыха на воде, в общественном транспорте, в магазинах одежды и на улицах города вообще.

Ключевые слова: бодипозитив, бодипозитивный, тело, телесность, городское пространство, социальные сети, блог, «Инстаграм»

Для цитирования: Горбунова Д.А. Тело и город: представление о городском пространстве в бодипозитивных блогах в «Инстаграме» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 4. С. 71–82. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-4-71-82

© Горбунова Д.А., 2020

The body and the city. Perceptions of an urban space in body positive blogs on Instagram

Darya A. Gorbunova

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
darya.a.gorbunova@gmail.com*

Abstract. The present study is dealing with a discourse of the corporeity in Russian body positive blogs in Instagram. “Body Positivity” it is a growing social movement and the media trend spreading the idea of a tolerant attitude to your appearance and body and to bodies and appearance of others. The present article is concerned with the comprehension of a body and urban spaces (particularly the city space) interactions in blog posts and commentaries to them. The comprehension is made within theoretical conceptualizations of body socialization in works of Rolan Bart and Jean Baudrillard, as well as of Michel Foucault’s concepts of body policy and Richard Sennet’s one of passive body. The present study provides a discourse and content analysis of body positive posts on Instagram by that the author figures out a list of the most common places/spaces where a body becomes actual or actualized what means the body perception causes psychological discomfort and deprivation. As a result, people often feel like they need an action or manipulation with their bodies to be taken against their will. Usually, it happens in food services, public beaches, and swimming pools, shopping centers, in public transport and in the city streets.

Keywords: the body positive, body positive, body, corporeity, urban space, social media, blog, Instagram

For citation: Gorbunova, D.A. (2020), “The body and the city. Perceptions of an urban space in body positive blogs on Instagram”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 71-82, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-4-71-82

Теоретический контекст

К телу, как антропологическому, философскому и культурологическому феномену, обращались многие исследователи культуры и человека, среди которых антрополог М. Мосс, философы М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, философ и культуролог М.М. Бахтин, философы и исследователи культуры Р. Барт, М. Фуко, Ж. Бодрийяр. Историей и философским осмыслением телесности в городах западной цивилизации занимался социолог и урбанист Р. Сеннет.

Настоящее исследование лежит в области социальной антропологии и социологии телесности, которые изучают как «роли тела

в процессах социального взаимодействия (и как экспрессивной формы, и как объекта манипуляций, связанных с утверждением власти и авторитета)», так и «роли социальных процессов в конструировании тела и воплощении в нем системы социальных отношений» [Фролова 2003, с. 1070].

Отношения власти и тела были осмыслены в трудах Мишеля Фуко, выдвинувшем понятия политики тела и биополитики, близкие к объяснительным стратегиям последователей бодипозитива: «общий рецепт отправления власти над людьми: „сознание“ как поверхность для надписывания знаков власти, использующей семиотику как инструмент; подчинение тел посредством контроля над мыслями; анализ представлений как принцип политики тела» [Фуко 2015, с. 149].

Ричард Сеннет, американский и британский социолог и урбанист, исследовал историю взаимосвязи тела и городского пространства в книге «Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации» [Sennett 1994]. Говоря о теле современного человека, Сеннет называет его тело пассивным, а центральным ориентиром в понимании взаимосвязи городского пространства и телесного взаимодействия называет минимизацию контакта с окружающим миром: «Сегодня порядок означает отсутствие контакта» [Sennett 1994, р. 21]. В исследовании Сеннета утверждается, что «пространственные отношения человеческих тел имеют большое значение в том, как люди реагируют друг на друга, как они видят и слышат друг друга, касаются ли они или находятся на расстоянии» [Sennett 1994, р. 17].

Современный человек, по Сеннету, десенсибилизирован в пространстве пассивным опытом безопасного движения на скорости (в автомобиле и т. п.) и не менее «скоростным» потреблением сублимированных эмоций с экранов телевизора. Сеннет осмысляет разрыв между реальным контактом тел и тем, что современные люди потребляют с экранов мониторов и телевизоров, приводя в пример разницу между изображением и реальным сексуальным опытом любовников: «Не много фильмов показывают двух пожилых голых людей, занимающихся любовью, или голых толстых людей» [Sennett 1994, р. 16]. В этом смысле последователи движения бодипозитив, благодаря своей деятельности, в частности публикациям визуального контента в социальных сетях, являются некими автостопщиками на высокоскоростной трассе «наркотического» потребления визуального контента: они тормозят внимание подписчиков, заставляя их вернуться к реальности.

Методология исследования

Объектом настоящего исследования является общественное феминистское движение – бодипозитив (бодипозитивизм). Бодипозитив (неологизм, калька с английского *body positive*) – это общественное движение, адепты которого отстаивают право людей выглядеть так, как они выглядят, не будучи осуждаемыми, борются с навязанными стандартами красоты. Движение бодипозитив берет свое начало в 1960-х гг. от движения *fat acceptance*, возникшего в ответ на рост дискуссий, направленных против жира [Cohen и др. 2019], но само движение под названием “The Body Positive” создали К. Собчак (Connie Sobczak), автор книги “*Embody: Learning to Love Your Unique Body (and quiet that critical voice!)*” и психотерапевт Э. Скотт (Elizabeth Scott) в 1996 году¹.

В настоящее время движение бодипозитив активно представлено в виртуальном пространстве социальных сетей. Особенное место занимает социальная сеть «Инстаграм», отличительной чертой которой является первичность визуальной компоненты: «Инстаграм» создан для визуальной демонстрации, в том числе для демонстрации своего тела. Новейшие исследования показывают, что «социальные сети, ориентированные на демонстрацию внешности, несомненно, ассоциируются с интернализацией² идеала худобы, самообъективацией, телесной неудовлетворенностью и беспорядочным пищевым поведением у женщин» [Cohen и др. 2019]³.

В качестве эмпирического объекта исследования выбраны блоги на русском языке в социальной сети «Инстаграм», посвященные теме бодипозитива, принятия собственного тела и вопросам феминистского отношения к телесности, сексуальности и здоровью, демонстрации и восприятию собственного тела. На данный момент мы насчитываем около 27 популярных активно ведущихся блогов, начиная с Туси (@tysya), автора социального проекта #сомнойвсё-так, и Ники Водвуд, популярной блогера-феминистки со 148 тысячами подписчиков, до Екатерины (@kj_dtv) с шестью с половиной

---

¹ About Us [Электронный ресурс] // The Body Positive. URL: <https://www.thebodypositive.org/about#About-Us> (дата обращения 15 декабря 2019).

² Интернализация – процесс превращения внешних реальных действий, свойств предметов, социальных форм общения в устойчивые внутренние качества личности через усвоение индивидом выработанных в обществе (общности) норм, ценностей, верований, установок, представлений и т. д. Интернализация [Электронный ресурс] // Энциклопедия социологии. 2009. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1324/ИНТЕРНАЛИЗАЦИЯ> (дата обращения 15 декабря 2019).

³ Перевод автора.

тысячами подписчиков и др. Критерием отбора блогов является достаточно большое количество подписчиков (от 3–4 тысяч) и то, что блоги активны. Эти блоги могут быть целиком посвящены теме бодипозитива, а могут частично освещать это движение публикациями в духе бодипозитивизма.

Для подготовки настоящей статьи были выбраны тексты 16 публикаций и 1530 комментариев к ним в общей сложности, опубликованные в промежутке между 2018 и 2020 гг., отобранные по тематическому принципу: тема публикаций затрагивала аспекты нахождения в каком-либо пространстве, актуализирующем телесность: места общественного питания, купания, общественный транспорт, магазины, улицы города и общественные городские места. Публикации были проанализированы методами дискурс- и контент-анализа. Был произведен количественный анализ публикаций с изображением еды в блогах Екатерины (@kj_dtv) и Екатерины (@ekaterinaxiii).

Исследование

Одна китайская студентка рассказывала о своих самых первых впечатлениях о поездке в Россию: причиной культурного шока были зеркала, в аэропорту зеркала висели так высоко, что она могла видеть только верхнюю часть своего лица (глаза, брови и лоб). Она подумала, что русские люди очень высокие. Так пространство аэропорта оказалось тем, что, используя термин А. Мол, осуществляет телесность и делает явной, выпуклой и ощутимой культурно-антропологическую разницу между телами [Мол 2017]. Ни эта студентка, ни многие из нас не задумывались раньше о том, что средний рост китайцев и русских может настолько отличаться.

Предположим, что есть некие городские пространства, в которых тело, обычно не осознаваемое человеком, вдруг становится для него актуальным (заметным). Наиболее очевидный пример – это недоступные для людей с особыми потребностями места: входы с порогами и крыльцом, эскалаторы становятся непреодолимым препятствием для инвалидов на коляске. Так, телесность, вступая в контакт с пространством, проигрывает, и человек оказывается физически ограничен. Города недоступны для людей с проблемами опорно-двигательного аппарата, перемещающихся на колясках.

Интересно рассмотреть городские пространства, в которых человек без особых потребностей, не рефлексирующий (не обращающий внимание) свою телесность в естественном повседневном существовании, внезапно оказывается в ситуации, в которой его тело

становится для него заметным, значимым, вызывающим проблему. Такими пространствами, на наш взгляд, становятся пространства городского храма (необходимо снять или надеть головной убор, обувь или юбку и пр.); лестницы или эскалаторы (человек может обнаружить, что ему трудно подниматься по лестнице из-за одышки, кто-то может испытывать страх эскалатора); общественный туалет (его наличие или отсутствие может стать проблемой); бассейн и пляж (тело становится заметным и требует манипуляций от обладателя тела, к примеру, оно покрывается дополнительной одеждой); кафе, рестораны и прочие места общественного питания, в которых человек и еда, которую он ест, оказываются доступны взглядам окружающих; магазины и городские улицы.

Еще одним топосом, в котором тело другого человека становится настолько заметным, что может породить проблемы, является морт или кладбище: невозможность похоронить родственника рядом с другими ранее умершими родственниками порождает вынужденную необходимость кремации, например.

Так пространство выполняет функцию некоего переключателя: телесность актуализируется при попадании человека в определенные общественные пространства (в местах общественного питания и купания, в местах для занятия спортом или в общественном транспорте, в магазине одежды и пр. мы вдруг можем обнаружить, что мы слишком толстые или слишком худые, слишком нестандартные).

Кафе и рестораны

«Мне бывает стыдно есть на людях»⁴, – пишет одна из блогеров Екатерина. Одними из общественных городских мест, в которых тело актуализируется и заставляет менять привычный сценарий поведения, являются места общественного питания и места, где еда покупается: кафе, рестораны, продуктовые магазины.

Описываются ситуации, в которых авторы блогов не могут есть то, что им хочется, в таких количествах, в каких им хочется, и когда им хочется. Желание связывается с чувством стыда и приводит к отказу от покупки каких-либо продуктов, либо заказываются не те блюда, которые действительно хочется съесть, либо, наоборот (в случае с худым телом), съедается больше, чем хотелось бы, человек ест или не ест против воли, желая избежать эксплицитного или имплицитного давления окружающих, вызванного видом тела

---

⁴ Здесь и далее сохранена орфография авторов комментариев.

того, кто рассказывает: «...каждый мой прием пищи сопровождался чувством стыда, что я в принципе ем», – пишет Екатерина (@kj_dtv). В комментариях к публикации читаем:

Если я оказываюсь в большой компании людей за столом и не хочу есть, все начинают громко уговаривать меня съесть хоть что-нибудь, аргументируя это тем, что «ты такой дрыщ». <...> Поэтому у меня есть страх того, что на мою фигуру обратят внимание сидящие за столом, и я ем, даже если не хочу;

«Буквально сегодня пыталась спокойно поесть в школе, но в итоге осталось голодной, потому что все считали нужным высказать свое мнение о моей еде ♀».

Анализируя дискурс высказываний на эту тему, выделим повторяющуюся лексику с корнем -стыд- и парафразы с тем же значением («стыдно кушать», «прием пищи сопровождался чувством стыда», «должна стыдиться», «не смотреть в глаза худым людям»).

Интересно появление религиозной темы, актуализирующей противопоставление духовного телесному: «противное чувство, будто я получила благословение на еду и вообще на существование от окружающих, раз в кафе заказала супчик, а на десерт съела яблочко»; «я должна <...> питаться святой водой». Витальная потребность в еде или банальная социальная практика – совместный дружеский прием пищи вне дома – становится моральной мукой, психологическим или физическим страданием.

Дискурс бодипозитивизма вытаскивает на поверхность, придает огласке контролирующую и регулирующую функцию отношений общества и индивида. Политика тела по Фуко, приводимая в действие, схожа с функциональной схемой, по которой работает религия в обществе: религиозный догмат запрещает либо предписывает то, что нужно есть, общество, находящееся во власти семиотического дискурса политики тела, «регулирует», кому и сколько нужно есть.

Определенной частью публикаций на тему публичного приема пищи в бодипозитивных блогах часто является демонстрация самой еды: 5% визуального контента блогера @ekaterinaxiii составляют фотографии с изображением еды (10 публикаций из 582), примерно 10–15% в блоге @kj_dtv (примерно 160 публикаций из 1627). В реабилитации еды на публице бодипозитивные блогеры творят новую мифологию (Р. Барт): демонстрация еды становится почти вызовом, неким публичным актом, одновременно психологическим актом разрешения себе есть, есть открыто то, что хочется. Практика поедания приобретает символический характер:

культурный знак стигматизированного тела (худое или толстое) становится амбивалентным, превращая тело во «вкушающее, ощущающее вкус мира» [Бахтин 1990, с. 141].

Пляж и бассейн

Новый слой фетшейминга вскрылся передо мной. <...> Наблюдаю картину на пляже. Девочка лет 6 стоит рядом с мамой, обе – в купальниках, и дочка дубасит маму по животу со словами: «Тебе надо меньше есть! Ты толстая! У тебя живот трясётся!», – пишет Арина Винтовкина (@vintovkina_reserv).

Еще одно место, в котором дискурс телесности становится актуализован, условно можно назвать местом для купания: пляж на морском курорте, бассейн, загородный пруд или городская набережная.

Люди не хотят раздеваться публично и не делают это либо надевают не ту одежду, которую им хотелось бы (прикрывают купальник более широкой одеждой, например), короткие переходы из раздевалки в душевую бассейна и обратно совершаются только после того, как женщина обернет полотенце вокруг себя.

В комментариях к публикации находим: «Мой сын всегда предельно честен. Это обескураживает и еще, дает необыкновенную трезвость в моментах. Бывает, говорит – мама, ты как то не очень... Пляж, все сплошь из фитнеса и толщины в пол моей ноги, и я сама себя такой ощущаю – не очень».

Лексема «стыд» повторяется, в том числе и в виде кальки с английского языка – шейминг (стыдить): «слой фетшейминга». «Мы <...> пропитаны ощущением, что нас определяет то, как выглядят наши тела. В воздухе буквально разлит стыд за складочки, выпуклости, “лишние килограммы”».

Транспорт

Транспорт как один из топосов городского пространства – место, в котором собирается вместе множество людей на ограниченной площади, наравне с театрами, кинотеатрами и пр., – тоже становится объектом дискуссий в бодипозитивных блогах в «Инстаграме».

С одной стороны, тело другого становится заметнее в условиях общественного транспорта и побуждает другого к действиям, например заставляет «сжиматься»: «А, если мне тесно в метро сидеть, например, рядом с полным человеком?) И приходится сжиматься на сидении».

«Я вешу около 115 кг. В спектре дискриминации по весу, я тоже имею привилегии! Например, у меня больше привилегий, чем у персоны, которая весит больше меня. Потому что мне не нужно второе место в самолёте», – пишет блогер Екатерина (@ekaterinaxiii).

Мы проанализировали публикацию и весь корпус комментариев к посту (216 комментариев) с помощью контекстного анализа, выявив тезаурус дискриминации и стигматизации, обнаружив, что словесное выражение дискриминации по признаку большого веса преобладает. Тело заявляет о себе на физическом уровне: например, оно не может вместиться в спроектированное «стандартное» сиденье самолета, транспорт и места его остановок (автобусы, поезда) спроектированы таким образом, что в него невозможно поместиться (нет пандусов для инвалидных колясок и т. п.). Это приводит к тому, что люди отказываются пользоваться общественным транспортом, перестают перемещаться по городу и вне его, перестают путешествовать и передвигаться.

Магазины одежды

В магазинах одежды телесность заявляет о себе как индикатор включенности в систему или исключенности из системы общественного представления о теле: у посетителей магазинов складывается ощущение, что их тел (худых или толстых) не существует.

Исключаются тела большего, чем какой-либо (46–48–50) размер, тела более высокого роста, либо одежда каких-то размеров проигрывает в разнообразии и качестве:

1) Ох, обожаю как устроены все магазины со шмотками. Если ты худая, то сможешь найти себе любую вещь на свой вкус. <...> Но если размер выходит за рамки 46, то на, возьми серо-буро-малиновый бесформенный мешок <...> иногда складывается чувство, что толстых людей вообще не существует с их точки зрения.

2) Мне до сих пор сложно найти одежду своего размера в магазине.

3) С размерами в популярных магазинах просто беда! Крайний размер – 48 или 50.

4) После рождения ребенка ничего не нахожу в магазинах из того, в чем бы мне было удобно и мне шло.

5) Подскажите магазины, где продают одежду на модельные фигуры? Мой рост 175, параметры 80–65–88, в магазинах на высоких и худых одежды нет!

6) У меня ХУ внешность, а носить все равно нечего. Да, подиумная хай-фашн одежда мне бы пошла, а из обычного магазина – увы. Так же мучаюсь, как и все.

Технология исключения порождает рефлексию о нетипичности своего тела («ходишь по магазинам и думаешь “что ж я такая нетипичная!”»), приводящую к разочарованию, и опять же побуждает к действиям: «Всплакну и иду шить себе очередные “два шва-четыре дырки”».

Магазин становится тем городским пространством, через которое может транслироваться философия бренда, производители одежды «разговаривают» с покупателями через плакаты на стенах, следуют актуальной тенденции к разнообразию и бодипозитивности: «...у меня рот непроизвольно открылся от удивления когда в моем малосенькой городке на большом постере который висел у них в магазине у модели (девушки) было видно волоски на ногах и какие то неровности и пушок на лице».

Анализируя публикации @wonderzine_mag и @nixelpixel на тему рекламной кампании @befree_fashion под хештегом #модазначитразнообразие (февраль 2020), в которой представлены модели разнообразных типажей: полная, пожилая, альбинос, с витилиго, мулатка, азиатка, люди с особыми потребностями, – мы обнаруживаем, что попытка бренда манифестировать разнообразие в индустрии моды сталкивается с несоответствием представленного размерного ряда в магазинах данного бренда: «надеюсь они вместе с хорошим лукбуком завезут в свои магазины еще и вещи не только для худых людей))))))»); «Лицемерная реклама, как по мне. <...> Какая-нибудь толстая девчонка, как я, например, увидит ролик, вдохновится, зайдет в магаз и увидит то же, что и прежде, ни одной вещи не натянет на свой 48–50 и тупо снова разочаруется». Таким образом, магазин является пространством, в котором тело реальное сопоставляется с виртуальным позитивным образом тела (рекламная кампания, множая миф о теле разнообразном), в этом сопоставлении и столкновении тело реальное выносится за скобки, оказывается исключенным.

Улица

«Утешала себя тем, что толстая и непривлекательная (даже в контексте толстоты: ни груди большой, ни бедер/попы), а потом однажды вечером возвращалась домой и ко мне стал приставать алкаш. <...> насилие не про внешний вид», – читаем в комментариях к публикации @ekaterinaxiii.

В существующем объективном дискурсе тело толстое означает непривлекательность (в том числе сексуальную непривлекательность) и пересекается с понятием о безопасности: толстой, значит

некрасивой, быть безопасно, а худой и красивой – опасно. Дискурс телесной красоты пересекается с дискурсом насилия: «убеждаю себя в том, что я сама все напридумывала и “да кому я такая толстая и страшная вообще нужна”». И это пересечение дискурсов возникает именно в пространстве улицы, подъезда, городского парка или подворотни: «Были случаи домогательства и не раз, при моем-то весе больше 125 кг. <...> недавно <соседка> спросила, не встречаюсь ли я с этим убаемом из парка. Типа если я толстая, то должна опускаться до него»; «У меня с раннего детства установка, что толстых и некрасивых (коей я себя всю жизнь считаю) не насилуют, не утаскивают в кусты, не засовывают в машины и т. п.».

Таким образом, если насилие случается и подвергается огласке, то общественное мнение транслирует представление о том, что толстая или пожилая, например, женщина не может быть подвержена насилию. Так, парадоксально, тело конвенционально некрасивое лишает его носителя шанса на защиту общества и возмездие: такое тело исключено из дискурса справедливости и правосудия.

Проанализировав упоминания некоторых общественных мест с точки зрения актуальности телесности, мы можем увидеть, что в этих местах срабатывают механизмы, описанные М. Фуко как политические технологии тела. Почти во всех описанных случаях осуществления или актуализации телесности в пространстве результатом является отказ от практики, отказ действовать.

Тело делается послушным на уровне «тонкого принуждения» и самой «механики тела» [Фуко 2015]: люди совершают или не совершают действия (едят больше или меньше, надевают больше или меньше, отказываются от передвижения, одеваются не так, как они хотели бы или шьют одежду и т. п.).

Высказывания блогеров на тему бодипозитива фиксируют и осмысливают воздействие на них политических или социокультурных технологий подчинения, киберактивизм, а именно активная, зачастую пропагандистская общественная деятельность в интернете, на наш взгляд, позволяет блогерам поднимать вопросы противодействия этим механизмам подчинения и управления, обратного присвоения себе собственного тела.

Литература

-
- Бахтин 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 541 с.
- Мол 2017 – *Мол А.* Множественное тело. Онтология в медицинской практике / Пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 254 с.

- Фролова 2003 – *Фролова Ю.Г.* Социология тела // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов и др. Минск: Книжный дом, 2003. С. 1070–1072.
- Фуко 2015 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 2015. 383 с.
- Cohen и др. 2019 – *Cohen R., Irwin L., Newton-John T. and Slater A.* #bodypositivity: A content analysis of body positive accounts on Instagram // *Body Image*. 2019. Vol. 29. P. 47–57.
- Sennett 1994 – *Sennett R.* Flesh and Stone. The Body and the City in Western Civilization. New York; London: W.W. Norton & Company, 1994. 431 p.

References

- Bakhtin, M.M. (1990), *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansa* [Works of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
- Cohen, R., Irwin, L., Newton-John, T. and Slater, A. (2019), “#bodypositivity: A content analysis of body positive accounts on Instagram”, *Body Image*, no. 29, pp. 47-57.
- Frolova, Yu.G. (2003), “Sociology of body”, in Gritsanov, A.A. (comp.), *Sotsiologiya: Entsiklopediya* [Sociology: Encyclopedia], Knizhnyi dom, Minsk, Belarus.
- Foucault, M. (2015), *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline & Punish: The Birth of the Prison], Naumov, V. (transl. from French), Borisova, I. (ed.), Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Mol, A. (2017), *Mnozhestvennoe telo. Ontologiya v meditsinskoj praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice], Group Cube of Pink (MGU) (transl. from Engl.), Pisarev, A. and Gavrilenko, S. (ed.), Gile Press, Perm', Russia.
- Sennett, R. (1994), *Flesh and Stone: the Body and the City in Western Civilization*, W.W. Norton & Company, New York, London, USA.

Информация об авторе

Дарья А. Горбунова, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия; 634050, Россия, Томск, пр-т Ленина, д. 36; darya.a.gorbunova@gmail.com

Information about the author

Darya A. Gorbunova, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; bld. 36, Lenin Av., Tomsk, Russia, 634050; darya.a.gorbunova@gmail.com